

**БОЖЕСТВЕННЫЙ ЗАКОН
ИЛИ КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ:
О КРУЗИАНСКИХ ИСТОКАХ
КАНТОВСКОЙ МОРАЛИ**

*Л. Э. Крыштон*¹

Этика Канта и этика Крузия поражают своим видимым сходством. Это проявляется в целом ряде положений и понятий. В моральном учении Крузия мы находим упоминания о моральном законе, который должен повелевать с абсолютной необходимостью, чем он и отличается от других видов предписаний, имеющих лишь относительную степень долженствования. Это очень близко по смыслу кантовскому разделению на гипотетический и категорический императивы. Другой важной особенностью морального учения Крузия оказывается подчеркнутое внимание к сфере внутренних мотивов. Именно внутренний мотив, а не внешняя форма поступка, определяет моральность действия. Эти и ряд других особенностей этики Крузия наводят на мысль о возможном влиянии Крузия на Канта. Возможность такого влияния неоднократно становилась предметом пристального внимания исследователей. Первые работы, посвященные этой проблематике, опубликованы на рубеже XIX–XX вв. За возможность такого влияния говорят смысловые и структурные сходства этических систем двух мыслителей. Кроме того, бесспорным является факт, что Канту были достаточно хорошо известны основные положения философии Крузия. Ряд исследователей пытается найти решение этой проблемы на уровне кантофилологии. Некоторые термины, употребляемые Кантом прежде всего в ранних работах, легшие затем в основу его этического учения уже критического периода, могут быть возведены к терминам философии Крузия. В то же время существует и другая точка зрения, в соответствии с которой на Канта оказывала влияние преимущественно вольфианская философия (в лице Баумгартена), тогда как прямое влияние Крузия считается неподтвержденным. Я рассматриваю аргументы в пользу обеих точек зрения и предлагаю свое решение этой проблемы.

Ключевые слова: Кант, Крузий, этика, моральное учение, добродетель, счастье, необходимость, моральный закон, Бог.

¹ Российский университет дружбы народов (РУДН), 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Поступила в редакцию: 14.02.2019 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-2

© Крыштон Л. Э., 2019.

**GOD'S LAW
OR CATEGORICAL IMPERATIVE:
ON CRUSIAN ISSUES
OF KANTIAN MORALITY**

*L. E. Kryshpton*¹

The ethics of Kant and the ethics of Crusius are strikingly similar. This is manifested in a whole range of principles and concepts. Crusius' moral teaching hinges on the rigorous moral law which has to be obeyed absolutely, and which makes it different from other prescriptions that are binding only to a relative degree. This is very close to the Kantian distinction between hypothetical and categorical imperatives. Another salient feature of Crusius' moral teaching is the stress laid on the sphere of internal motives. It is the inner motive that determines the morality of an act, rather than the external form of the act. These and some other features of Crusius' ethics suggest a possible influence of Crusius on Kant. The possibility of such influence has repeatedly come under close scrutiny. The first works devoted to this problem date to the turn of the nineteenth and twentieth centuries. Pointers to the possibility of such influence are semantic and structural similarities of the two thinkers' systems. Besides, it is an unchallengeable fact that Kant was fairly familiar with the main theses of Crusian philosophy. Some scholars proceed from the study of Kantian vocabulary. Some of the terms Kant uses, especially in his early works which later formed the basis of his ethical teaching in the critical period, can be traced to the terms of Crusian philosophy. However, an alternative view is that Kant was primarily influenced by Wolffian philosophy (mainly through Baumgarten), while the direct influence of Crusius remains unproven. I examine both points of view and propose my own solution to the problem.

Keywords: Kant, Crusius, ethics, moral teaching, virtue, happiness, necessity, the moral law, God.

Kantian ethics is one of the best known ethical systems in the history of philosophy. Although professional scholars of Kant's philosophy have still

¹RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198.

Received 14.02.2019.

doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-2

© Kryshpton L. E., 2019.

Этика Канта является одной из наиболее известных этических систем в истории философии. Несмотря на то что в среде исследователей, профессионально занимающихся изучением философии Канта, в отношении многих положений его практической философии и сегодня не удается прийти к согласию, общие контуры этической мысли Канта, пожалуй, известны каждому философски образованному человеку. Опорными понятиями при этом оказываются долг, категорический императив, моральный закон, автономия воли, свобода. А одними из наиболее часто встречающихся характеристик, которыми награждают кантовскую этику, являются ригоризм² и формализм³, иногда даже, как в случае русского философа Н. А. Бердяева, законничество, ставящее кантовское моральное учение вровень с иудаизмом (Бердяев, 1931, с. 56, 63, 102, 104). И хотя характеристики эти чаще всего имеют явно негативную окраску и нацелены на низведение этики Канта с ее пьедестала, полностью сделать это не удается и по сей день. И творение Канта по-прежнему предстает в своем блеске «чистоты» автономного определения воли, сопровождающегося безусловной необходимостью подчинения повелевающему моральному закону.

В связи с этим, однако, вполне правомерно задать следующими вопросами: насколько оправданным является определение Канта как первопроходца в этом и ряде других положений, базовых для его этической системы? Не приписываем ли мы и здесь, как и во многих других случаях, философскому гению Канта то, что на самом деле этим гением было по большей части заимствовано из предшествующей философской традиции и лишь подвергнуто определенным «кантовским» изменениям? И насколько принципиальными можно считать эти внесенные изменения? Для ответа на эти

² Одним из ярких представителей такого взгляда на этику Канта является Шиллер: «В нравственной философии Канта идея долга выражена с жестокостью, отпугивающей всех граций и способной легко соблазнить слабый ум к поискам морального совершенства на путях мрачного и монашеского аскетизма» (Шиллер, 1957, с. 146).

³ Эта точка зрения отчетливо формулируется Ж.-П. Сартром в его программной работе «Экзистенциализм — это гуманизм» (Сартр, 1989). Подобного рода оценки были свойственны также и для многих отечественных мыслителей и деятелей культуры. Так, профессор Санкт-Петербургской духовной академии Н. П. Рождественский характеризовал кантовскую этику как «сухой морализм» (Рождественский, 1884, с. 94). «Неживой» характер творения кёнигсбергского философа подчеркивал и профессор Киевского университета С. С. Гогоцкий (Гогоцкий, 1847, с. 67), тогда как П. А. Флоренский и вовсе говорил о холодной речи Канта, которая «замораживает все живое», и о его костлявой руке, которая «ворует сердца, чтобы убить их» (Флоренский, 2007, с. 36). Подробнее о рецепции кантовской философии в России см.: (Круглов, 2009).

not reached a consensus on many provisions of his practical philosophy, anyone at all versed in philosophy is familiar with the outlines of Kant's thought. The pivotal notions are those of duty, the categorical imperative, the moral law, autonomy of will and freedom. The most frequent characteristics applied to Kantian ethics are rigorism² and formalism.³ Sometimes, as in the case of Russian philosopher Nikolai A. Berdyaev, the word "legalism" was used to put Kant's moral teaching on a par with Judaism (Berdyaev, 1960, p. 50, 81, 92, 94). Although these descriptions more often than not have a negative tinge and are aimed at taking Kantian ethics down from the pedestal, no one has yet quite succeeded in doing so. Kant's work stands as a shining instance of "pure" autonomous definition of the will which demands unconditional conformity with the unsailable moral law.

This, however, suggests the following legitimate questions: How justified is the description of Kant as the trail-blazer in this and other theses that are basic to his ethical system? Are we not here, as in many other cases, attributing to Kant's philosophical genius what this genius has largely borrowed from the previous philosophical tradition, with some "Kantian" tweaking? And how fundamental are the changes he introduced? To answer these questions it would not be irrelevant to turn to the work of one of Kant's immediate forerunners, Christian Crusius. Comparison of his moral teaching with the main provisions of Kantian ethics may enable us to trace the pathways whereby that philosopher's views influenced Kant.

² One of the most prominent exponents of this view on Kant's ethics is Schiller: "In Kantian moral philosophy, the idea of duty is presented with a severity which frightens all the Graces away, and a weak reason might easily attempt to seek moral perfection on the path of a gloomy and monkish asceticism" (Schiller, 1988, p. 365).

³ This view is clearly formulated by Jean-Paul Sartre in his programmatic work *Existentialism Is a Humanism* (Sartre, 2007). Similar assessments were made by many Russian thinkers and cultural personalities. Thus, Professor Nikolai P. Rozhdestvensky of St. Petersburg Ecclesiastical Academy described Kantian ethics as "dry moralism" (Rozhdestvensky, 1884, p. 94). The "lifeless" character of Kant's works was stressed by Professor Sergey S. Gogotsky of Kiev University (Gogotsky, 1847, p. 67). And Pavel A. Florensky referred to Kant's cold speech which "freezes up everything living" and to his bony hand which "steals hearts in order to kill them" (Florensky, 2007, p. 36). For more on the reception of Kantian philosophy in Russia see (Kruglov, 2009).

вопросы не лишено смысла обращение к творчеству одного из непосредственных предшественников Канта — Х.А. Крузия. Сравнение его морального учения с основными положениями кантовской этики позволит нам проследить возможные линии влияния взглядов этого философа на Канта. Это, в свою очередь, даст возможность лучше понять этическую систему самого Канта и выделить те ее аспекты, которые действительно можно считать оригинальным кантовским творением.

Этика долга Канта

Для начала рассмотрим подробнее основные понятия и положения кантовской этической системы. Основным ее принципом оказывается предписание следовать моральному закону, выражающемуся в форме категорического императива: «Поступай так, чтобы максима твоей воли во всякое время могла бы иметь также и силу принципа всеобщего законодательства» (AA 05, S. 30; Кант, 1997а, с. 349). Только эта формулировка расценивается Кантом как единственно возможное законодательство свободной воли. А этическое законодательство безусловно должно проистекать из свободной воли, так как если нет свободы, то не может быть и ответственности за совершаемые человеком поступки.

Равно значимыми при этом оказываются как императивность этого предписания, так и его категоричность. Императивом моральный закон является для нас в силу наличия у человека помимо мотивов, определяемых чистым практическим разумом, также и иных мотивов, проистекающих из его эмпирической природы. Эти мотивы и лежат в основе расхождения действительных желаний и устремлений человека с предписаниями разума. Другими словами, именно они и приводят к нарушению полной автономии в определении воли. Именно по этой причине разум вынужден принуждать человека поступать так, как требует моральный закон. Не будь этого расхождения интеллигибельной и сенсигельной природ человека, и принуждения бы не было, так как человек всегда желал бы поступать так, как требует от него моральный закон. Моральный закон же не был бы в таком случае императивом (AA 05, S. 20; Кант, 1997а, с. 323). Категорический характер данного предписания проистекает из безусловного характера повеления, с которым мы здесь сталкиваемся. Если гипотетические императивы имеют, по Канту, значимость только в том случае, когда для нас значима цель, для достижения которой они предназначены, то категорический им-

That in turn may give us a deeper insight into Kant's own ethical system and identify the aspects that can definitely be attributed to Kant himself.

Kant's Ethics of Duty

To begin with, let us take a closer look at the main concepts and provisions of Kant's ethical system. Its main principle is the prescription to follow the moral law expressed in the form of a categorical imperative: "So act that the maxim of your will could always hold at the same time as a principle of a universal legislation" (*KpV*, AA 05, p. 30; Kant, 2002, p. 45). This formula alone is seen by Kant as the solely possible legislation of free will. Ethical legislation must unquestionably proceed from free will since, if there is no freedom, there can be no responsibility for human acts.

Both the imperative nature of this prescription and the categorical statement of it are equally important. The moral law is imperative for us because, in addition to the motives stemming from pure practical reason, man has other motives consistent with empirical human nature. These motives account for the divergence of the actual desires and aspirations of man from the prescriptions of reason. In other words, they intrude upon complete autonomy in determining will. That is why intelligence must force a person to act as the moral law demands. Without the divergence between man's intelligible and sensible natures there would have been no coercion since a person would always want to act as the moral law requires him to act. In that case the moral law would not have been an imperative (*KpV*, AA 05, p. 20; Kant, 2002, pp. 30-31). The categorical character of this prescription stems from the unconditional character of the command we are confronted with. While hypothetical imperatives, according to Kant, are only significant when the goal for which they are intended is significant for us, the categorical imperative is a practical prescription that is not conditional on anything and does not depend on the consequences that may ensue when it is conformed with: "Here, however, the rule says: one ought absolutely to proceed in a certain way. The practical rule is therefore unconditional, and hence is conceived *a priori* as a categorical practical proposition by which the will is objectively determined absolutely and directly" (*KpV*, AA 05, p. 31; Kant, 2002, p. 45).

ператив представляет собой такое практическое предписание, которое ничем не обусловлено и не зависит от последствий, которые могут наступить при его соблюдении: «Но здесь правило гласит: непременно следует поступать определенным образом. Практическое правило, следовательно, безусловно, стало быть, представлено a priori как категорически практическое положение, которым воля безоговорочно и непосредственно... определяется объективно» (AA 05, S. 31; Кант, 1997а, с. 349–351).

В связи с рассмотрением безусловной обязательной силы морального закона перед нами отчетливо предстает следующее важное для кантовской этической системы понятие — долг, а вместе с ним и терминологическая пара «сообразное долгу» (*pflichtmäßig*) и «по долгу» (*aus Pflicht*), впервые встречающаяся у Канта в работе «Основоположение к метафизике нравов» (1785) и сохраняющаяся им на протяжении всего критического периода (AA 04, S. 397–398; Кант, 1997б, с. 69–75). Чуть позже, в «Критике практического разума» (1788), у Канта появится и другая терминологическая пара — «легальность» (*Legalität*) и «моральность» (*Moralität*), во многом синонимичная предыдущей (AA 05, S. 81, 118, 152; Кант, 1997а, с. 493, 605–607, 699). Понятия «по долгу» и «моральность» подчеркивают, что поступок совершается исключительно из стремления соблюдения морального закона. Собственно только такие поступки и могут, по Канту, считаться подлинно добродетельными. Тогда как понятия «сообразность долгу» и «легальность», напротив, подчеркивают, что поступок внешне соответствует предписанию морального закона, однако подлинным мотивом здесь оказывается не само по себе стремление соблюдения морального закона, а некие иные мотивы.

Но и различия в этих терминологических парах также имеются. Так, можно отметить, что, проводя различие между поступками по критерию «сообразность долгу» / «по долгу», Кант подчеркивает, что поступки «по долгу» являются результатом автономного определения воли, тогда как поступки «сообразные долгу» — результатом воздействия на волю чувственных склонностей (AA 04, S. 397; Кант, 1997б, с. 71). При использовании терминов «легальность» и «моральность» Кант отвлекается от оценки поступков по степени влияния на определение воли чувственной природы человека, а фиксирует лишь то, насколько мы обращаем внимание на сферу внутренних мотивов человека. Если мы на нее внимание обращаем и оказывается, что решение совершить тот или иной поступок продиктовано единственно лишь стремлением соответствовать

In connection with the unconditional, binding nature of the moral law we are confronted with the concept, essential for the Kantian ethical system, the concept of duty along with the terminological pair “in conformity with duty” (*pflichtmäßig*) and “from the motive of duty” (*aus Pflicht*), which first occurs in Kant’s *Groundwork of the Metaphysics of Morals* (1785) and which he retains throughout the critical period (GMS, AA 04, pp. 397-398; Kant, 2011a, pp. 22-25). A little later, in *The Critique of Practical Reason* (1788), Kant introduces another terminological pair: “legality” (*Legalität*) and “morality” (*Moralität*), which is in many ways synonymous with the preceding one (GMS, AA 04, p. 81, 118, 152; Kant, 2002, p. 105, 150, 190). The concepts “from the motive of duty” and “morality” stress that an act is performed exclusively in order to comply with the moral law. Indeed, only such acts, according to Kant, can be deemed to be truly virtuous. Meanwhile the concepts “in conformity with duty” and “legality,” on the contrary, stress that the act complies with the prescription of the moral law on the surface, but the real motive is other than the wish to observe the moral law.

However, there are also differences between these terminological pairs. Thus, in making a distinction between acts “in conformity with duty” / “from the motive of duty”, Kant stresses that acts “from the motive of duty” are the results of autonomous determination of will, whereas those performed “in conformity with duty” are the results of the impact on the will of sensible inclinations (GMS, AA 04, p. 397; Kant, 2011a, p. 23). The use of the terms “legality” and “morality” sets aside the assessment of acts in terms of the degree to which man’s sensible nature influences them, concentrating only on the degree to which we pay attention to man’s inner incentives. If we do pay attention to them, and if it turns out that the decision to perform this or that act is prompted only by the desire to follow the bidding of the moral law, then the act is moral. If we distance ourselves from the sphere of inner motives or, looking into it, find that the act has been prompted by something other than respect for the bidding of the moral law, while it appears to comply with the moral law, then we can only speak about the legality of such behaviour.⁴ Whether the

⁴“The mere conformity or nonconformity of an action with law, irrespective of the incentive to it, is called its *legality* (lawfulness); but that conformity in which the Idea of duty arising from the law is also the incentive to the action is called its *morality*” (MS RL, AA 06, p. 219; Kant, 1991, p. 46).

повелению морального закона, тогда этот поступок может быть моральным. Если же мы от этой сферы внутренних мотивов отвлекаемся или же, всматриваясь в нее, находим, что к поступку человека определило что-то иное, нежели уважение к повелениям морального закона, но при этом поступок внешне соответствует требованиям морального закона, тогда мы можем говорить лишь о легальности такого поведения⁴. Чувственные потребности оказывали влияние на волю человека при ее определении к поступку или же что-то иное, это в данном случае остается за кадром. Если в акте определения воли имелся какой-либо иной мотив, кроме одного лишь уважения перед моральным законом, это действие уже не может быть моральным, как бы возвышенны устремления человека при этом ни были. При этом все моральные поступки будут легальными, но лишь некоторая часть легальных может быть в то же время и моральными. Морален же поступок или только легален, определяется исходя из его внутренней, интенциональной наполненности. По этой причине два совершенно идентичных по своему фактическому (материальному) содержанию поступка могут оказаться при оценке их моральности различны. Один из них может быть моральным (если единственный мотив его совершения – соблюдение морального закона), другой же – лишь легальным (если к решению совершить его примешивались и иные мотивы).

В то же время следует отметить, что при попытке сопоставить легальные поступки с категорическим императивом мы не могли бы говорить о том, что они ему соответствуют. Внутренний мотив совершения поступков в данном случае оказывается тем, что неизбежно оказывает влияние на обязательную силу того предписания (максимы), в соответствии с которой человек и выстраивает свои действия. Лишь объективная максима – максима, обладающая всеобщей безусловной обязательной силой, – оказывается для нас категорическим императивом. Но такой максимой может быть только сам категорический императив. Все же остальные намерения являются лишь субъективными максимами. Они не обладают безусловной обязательной силой и являются лишь предписаниями благоразумия или личного счастья. При устранении субъективно определяемых целей, для достижения ко-

⁴ «Одно лишь соответствие или несоответствие поступка закону безотносительно к его мотиву называют легальностью (законосообразностью); то соответствие, в котором идея долга, основанная на законе, есть в то же время мотив поступка, называется моральностью (нравственностью) поступка» (AA 06, S. 219; Кант, 1994б, с. 240).

decision to act was influenced by sensible needs or something else is here beside the point. If the determination of the will had some other motive than mere respect of the moral law, such an act can no longer be considered to be moral, however lofty the actor's aspirations may have been. All moral acts would be legal, but only part of the legal acts can be moral at the same time. Whether an act is moral or merely legal is determined by its inner, intentional content. Therefore two acts totally identical in actual (material) content may differ in terms of assessing their morality. One may turn out to be moral (if the only motive for it is to comply with the moral law) and the other merely legal (if other motives have also been involved).

At the same time it has to be noted that in attempting to compare legal acts against the categorical imperative we would not be able to claim that they correspond to it. The inner motive for performing acts in this case is that which inevitably influences the binding force of the prescription (maxim) in accordance with which one structures one's acts. Only an objective maxim – a maxim that has unconditional obligatory force – turns out to be a categorical imperative for us. But such a maxim can only be the categorical imperative itself. All the other intents are merely subjective maxims. They do not have unconditional force and are merely prompted by common sense or the pursuit of personal happiness. If the subjectively determined goals pursued through performed acts are eliminated, the prescriptions themselves cease to be obligatory. Hence they cannot be categorical imperatives, but are merely hypothetical imperatives. Having looked at the main principles of Kantian ethics we can now start casting about for the sources that might have exerted sometimes very considerable influence on their author. To this end we should first of all take a closer look above all at the work of Christian Crusius, a German thinker of the Age of Enlightenment who was famous in his time, but is only occasionally mentioned in the history of philosophical doctrines today. In particular, we should focus on his moral teaching.⁵

⁵ Nevertheless, it is obvious that the obscurity into which the German philosopher's teaching sank, was undeserved. Initially building his system on the critique of Leibniz and Wolff (most notably his critique of the law of sufficient ground) Crusius ended up by offering a very interesting rehash of preceding philosophical tradition. Some researchers believe that his philosophical system is one of the most original eighteenth-century systems (cf. Schneewind, 1998, pp. 445-446).

торых и оказываются необходимыми совершаемые поступки, сами предписания также теряют свою обязательную силу. Следовательно, они не могут быть категорическим императивом, но являются лишь императивами гипотетическими.

Рассмотрев в общих чертах основные положения этики Канта, мы можем теперь обратиться к поиску источников, которые могли оказать на ее создателя определенное и весьма значительное влияние. С этой целью нам следует пристальнее присмотреться прежде всего к творчеству в свое время известного, ныне же не так часто вспоминаемого в истории философских учений немецкого мыслителя эпохи Просвещения Х. А. Крузия, в особенности к его моральному учению⁵.

Моральное учение Христиана Августа Крузия

Христиан Август Крузий, философ и теолог эпохи зрелого Просвещения, вошел в историю философии прежде всего как непримиримый противник вольфианской философии. Родившись в городе Лойна в Саксонии в 1715 г., Крузий получил философское и теологическое образование в университете Лейпцига. Основные свои философские работы Крузий пишет в период с 1744 по 1749 г. В 1750 г. он получает должность ординарного профессора теологии в университете Лейпцига, после чего концентрируется на рассмотрении преимущественно теологических вопросов. В 1773 г. становится ректором Лейпцигского университета. Параллельно с академической деятельностью Крузий активно занимается пасторской работой. Умирает философ все в том же Лейпциге в 1775 г. (см.: Richter, 1876; Saring, 1957).

При обращении к моральному учению Крузия мы находим целый ряд поразительных сходств с этической концепцией Канта. И прежде всего это касается взгляда обоих мыслителей на сущность моральных предписаний. Так, у Крузия обнаруживается разделение всех практических основоположений на законы добродетели и правила благоразумия. Причем отличаются они друг от друга, по Крузию, характером преследуемых целей и производной от этого обязательной силой. В случае пра-

⁵ Тем не менее можно констатировать, что безвестность, в которую погрузилось учение этого немецкого философа, не была заслуженна. Выстраивая свою систему поначалу во многом на критике лейбнизианско-вольфианских положений (наиболее известна его критика закона достаточного основания), Крузий в итоге предложил весьма интересную переработку предшествующей ему философской традиции. В исследовательской литературе можно встретить мнение, что его философская система является одной из наиболее оригинальных систем XVIII в. (Schneewind, 1998, S. 445–446).

The Moral Teaching of Christian August Crusius

Christian August Crusius, a philosopher and theologian at the height of the Age of Enlightenment, went down in the history of philosophy above all as a fierce opponent of Wolffian philosophy. Born at Leuna in Saxony in 1715, Crusius studied philosophy and theology at Leipzig University. He wrote his main philosophical works in the period between 1744 and 1749. In 1750 he became a professor of theology at Leipzig University whereupon he concentrated mainly on theological issues. In 1773 he became the rector of Leipzig University. Along with his academic work Crusius was engaged in active pastoral work. He died in Leipzig in 1775 (cf. Richter, 1876; Saring, 1957).

When looking at the moral teaching of Crusius we discover some striking similarities with Kant's ethical system. Above all, I am referring to the view of both thinkers concerning the essence of moral prescriptions. Thus, Crusius divided all practical principles into the laws of virtue and the rules of common sense. They differ, according to Crusius, in the character of the aims pursued and the corresponding obligatory force. In the case of the rules of common sense, we deal with goals arbitrarily determined by the subject and therefore random. Accordingly, these principles do not carry unconditional force. These prescriptions are only necessary inasmuch as they are a means of achieving the chosen goals. If we do not chose these goals, the need for the means to achieving them also falls away. By contrast, the principles of virtue pursue the goal that has absolute force. Such a goal, according to Crusius, is the achievement of Good seen as a combination of virtue and happiness in which, however, happiness cannot be an end in itself but merely a consequence of the virtue achieved. Crusius himself was well aware of the inherent paradox: man can attain happiness only by dint of his virtue, but in order to be virtuous he should not seek happiness. In other words, to have more chance of being happy a person must wish it less. Crusius defines virtue as the compliance of human acts with the moral law, with the concept of virtue being a derivative of the moral law. Examining the nature of moral law in Crusius' philosophy, we see that this law is established directly by the will of the supreme being,

вил благоразумия мы имеем дело с целями, произвольно определяемыми самим субъектом и в силу этого случайными. Соответственно, и безусловно необходимой обязательной силы эти основоположения в себе не несут. Этого типа предписания необходимы лишь условно, как средства к достижению выбираемых целей. Если эти цели нами не выбираются, то и необходимость в средствах к их достижению также отпадает. В противоположность этому, основоположения добродетели преследуют цель, абсолютно необходимую для всех людей. По этой причине они обладают безусловной обязательной силой. Этой целью, по Крузию, является достижение блага, представляемого в соединении добродетели и счастья, однако таким образом, что счастье не может быть самоцелью, а может быть лишь следствием достигнутой добродетели. Причем сам Крузий прекрасно осознавал заложенную в этом положении парадоксальность: счастье человек может получить как следствие своей добродетельности, но чтобы быть добродетельным, он должен не стремиться к счастью. Другими словами, человек тем больше может надеяться на счастье, чем меньше он его желает. Добродетель же Крузий определяет как соответствие поступков человека моральному закону. При этом понятие добродетели оказывается производным от морального закона.

Рассматривая природу морального закона в философии Крузия, мы видим, что этот закон устанавливается непосредственно волей высшего существа, то есть Бога. Бог при сотворении мира вложил в сущность своих творений стремление к совершенству. Поэтому конечной целью творения является совершенство. При этом Крузий подразделяет совершенство на два вида: сущностное и случайное. Сущностное совершенство — это «совершенство вещи своего рода, которое есть не что иное, как такое отношение состояния вещи к сумме того, что посредством нее возможно или действительно, благодаря чему в ней встречается всякая реальность, которая ожидаема благодаря уже предположенному понятию о ее сущности» (Crusius, 1766, S. 302). Случайное совершенство — это «некоторые свойства [вещи]... которые хотя и не принадлежат сущности, посредством чего она мыслима, но и не нарушают совершенство вещи и, следовательно, помогают увеличить сумму реальности вещи» (Crusius, 1766, S. 302–303). В случае человека сущностным совершенством является именно добродетель. Все остальное, в частности ученость, красота, благоразумие, относится лишь к случайным совершенствам, а соответственно, их отсутствие не делает человека несовершенным, равно как и их присутствие само по себе ничего к совершенству человека не прибавляет.

i.e. God. In creating the world God imparted to his creatures the desire to achieve perfection. Therefore perfection is the ultimate goal of Creation. Crusius distinguishes two types of perfection: essential and accidental. Essential perfection is “perfection of its kind of object which is none other than the proportion of the state of the thing to the sum of what it makes possible or real which is expected thanks to the supposed concept of its essence”⁶ (Crusius, 1766, p. 302). Accidental perfection is “certain properties [of a thing] [...] which, though not pertaining to the essence, whereby it is thinkable, does not impair the perfection of the thing and, consequently, adds to the overall reality of the thing”⁷ (Crusius, 1766, pp. 302-303). In the case of man, essential perfection is virtue. All the rest, including learning, beauty and common sense, are merely accidental perfections and, accordingly, their absence does not render a person imperfect any more than their presence in itself adds anything to the person’s perfection.

Everything in the world must agree with the essential perfection of things, i.e. with the ultimate aim of their existence. Therefore the moral law may be formulated in the following way: “[...] Do what corresponds to the perfection of God and your attitude to Him as well as the essential perfection of human nature, and eschew the opposite”⁸ (Crusius, 1767, p. 191, 249). This principle is the main moral principle of Crusian philosophy. But Crusius sees this provision as a material principle and demands that it should be supported by a formal one. According to Crusius, the formal principle of morality is inner intent, which ought to be the basis of determining the will to act. The only possible formal principle that can be deemed to be truly moral, according to Crusius, is absolute obedience to God, arising from total and absolute dependence of the creature on its Creator. The marriage of the material and formal principles yields the final formula

⁶ “[...] Vollkommenheit eines Dinges in seiner Art, welche nichts anders ist, als dasjenige Verhältniß des Zustandes eines Dinges gegen die Summe dessen, was dadurch möglich oder wirklich ist, vermöge welches alle diejenige Realität an ihm angetroffen wird, welche man vermöge eines schon vorausgesetzten Begriffs von seinem Wesen an ihm verlanget”.

⁷ “[...] gewisse Eigenschaften [...], welche zwar zu dem Wesen, wodurch es gedacht wird, nicht gehören, jedoch auch der Vollkommenheit des Wesens keinen Abbruch thun, und also die Summe der Realität des Dinges vermehren helfen.”

⁸ “[...] thue, was Vollkomheit Gottes und deinem Verhältnisse gegen ihn, und ferner was der wesentlichen Vollkommenheit der menschlichen Natur gemäß ist, und unterlasse das Gegentheil.”

Все в мире с необходимостью должно согласовываться с сущностными совершенствами вещей, то есть с конечной целью их существования. Поэтому моральный закон может быть сформулирован следующим образом: «Совершай то, что соответствует совершенству Бога и твоему отношению к Нему, а также сущностному совершенству человеческой природы, и избегай противоположного» (Crusius, 1767, S. 191, 249). Это положение и является основным моральным принципом крузианской философии. Но оно воспринимается Крузием как материальный принцип и требует дополнения принципом формальным. Формальным же принципом морали у Крузия оказывается внутреннее намерение, которое должно лежать в основе определения воли к поступку. Единственный возможный формальный принцип, который можно считать подлинно моральным, по Крузию, — это абсолютное послушание Богу, проистекающее из полной и абсолютной зависимости творения от своего Творца. При соединении материального и формального принципа мы и получаем окончательную формулировку морального закона: «Делай из покорности перед повелением твоего Творца как твоего естественного и необходимо господина все то, что соответствует совершенству Бога, а также сущностному совершенству твоей собственной природы и [природы] всех остальных творений и что в конечном счете соответствует созданным им [Богом] отношениям вещей между собой, и избегай противоположного» (Crusius, 1767, S. 249).

Из этого морального закона проистекает у Крузия и определение природы добродетели как исполнения материального принципа, но исполнения его с должным внутренним намерением, то есть как готовности выполнять то, что соответствует совершенству Бога, себя самого и других людей, единственно из послушания Богу (Crusius, 1767, S. 250)⁶. Важной здесь оказывается именно готовность исполнять требование морального закона ради того, что в нем явлена воля Бога относительно своих творений. Только это и делает поведение человека подлинно добродетельным. Увеличение же совершенства в мире без этого основополагающего намерения дает лишь видимость добродетели.

Божественный закон или категорический императив

После анализа основных положений морального учения Канта и Крузия может показаться, что мо-

⁶ В этом обращении Крузия к анализу сферы внутренних мотивов и придании первостепенной важности именно этим мотивам при оценке добродетельности поступков усматривают продолжение pietisticкой традиции, в которой подчеркивалась значимость внутреннего благочестия в противоположность внешним культовым действиям и внешне сообразным добродетели поступкам (Schneewind, 1998, p. 444).

of the moral law: “Do out of obedience to the will of your Creator as your natural and necessary Lord everything that corresponds to the perfection of God and to the essential perfection of one’s own nature and [the nature] of all the other creatures, which ultimately corresponds to the relations of things created by Him [God] among themselves, and eschew the opposite”⁹ (Crusius, 1767, p. 249).

From this moral law Crusius derives the definition of the nature of virtue as fulfilment of the material principle, fulfilment, however, with due inner intent, i.e. readiness to fulfil what corresponds to the perfection of God, of oneself and other people solely in obedience to God (Crusius, 1767, p. 250).¹⁰ What is important is precisely a readiness to comply with the moral law because it reveals God’s will regarding His creations. This alone makes human behaviour genuinely virtuous. By contrast, an increase of perfection in the world without the fundamental intent creates only an appearance of virtue.

God’s Law or Categorical Imperative

An analysis of the main principles of the moral teachings of both thinkers — Kant and Crusius — may suggest that Crusius’ moral philosophy is practically identical to that of Kant. But a closer inspection reveals substantial divergences. The first divergence is arguably over the views on the nature of the moral law. In Crusian philosophy the moral law is derived from God’s will. This lends Crusius’ moral teaching a manifest theonomic character. With Kant, this law is perceived as the law determined by practical reason.

The second essential difference is the views on the nature of the purity of motives, an issue raised both in the philosophy of Crusius and the philosophy of Kant. Both thinkers stress that virtue, understood as conformity to the moral law, ought to be the only goal. Both thinkers stress that to assess

⁹ “*Thue aus Gehorsam gegen den Befehl deines Schöpfers, als deines natürlichen und nothwendigen Oberherrn, alles dasjenige, was der Vollkommenheit Gottes, und ferner was der wesentlichen Vollkommenheit deiner eigenen Natur und aller andern Geschöpfe, endlich auch was den Verhältnissen der Dinge gegen einander, welche er gemacht hat, gemäß ist, und unterlasse das Gegentheil.*”

¹⁰ The fact that Crusius turns to the sphere of internal motives and attaches prime importance to these motives in evaluating the virtuousness of acts is seen as a continuation of the pietistic tradition which stressed the importance of inner piety as opposed to external worship practices and acts that appear to be virtuous (cf. Schneewind, 1998, p. 444).

ральная философия второго представляется практически идентичной этике первого. Однако при более пристальном рассмотрении выясняется, что имеются и достаточно существенные расхождения. Первым таким расхождением можно считать взгляды на природу морального закона. Моральный закон в философии Крузия оказывается произведен от воли Бога. Моральное учение Крузия, таким образом, приобретает ярко выраженный теонормный характер. У Канта же этот закон воспринимается как определяемый самим практическим разумом.

Вторым существенным отличием можно считать взгляды на природу чистоты мотивов, обсуждаемую в философии как Крузия, так и Канта. Оба мыслителя подчеркивают, что целью должна быть лишь сама добродетель, понимаемая как соответствие моральному закону. И оба мыслителя подчеркивают, что для оценки добродетельности недостаточно посмотреть лишь на сферу внешнего проявления поступка, но нужно учитывать также внутреннюю сферу намерений человека. И эта внутренняя сфера должна иметь своим мотивом лишь формальный принцип. Для Канта таким единственно возможным мотивом оказывалось уважение перед моральным законом, для Крузия — послушание воле Бога, выражающейся в моральном законе. И снова здесь мы видим теонормичность Крузия в противоположность отсутствию таковой у Канта.

Однако даже это различие между мыслителями бросается нам в глаза только до тех пор, пока мы рассматриваем этику Канта в отрыве от его учения о высшем благе и постулатах практического разума. Введение же постулатов, и особенно постулата бытия Бога, сразу же начинает разрушать столь стройную картину, особенно учитывая пояснения Канта, что переход от морали к религии является естественным и неизбежным: «Так моральный закон через понятие высшего блага как объекта и конечной цели чистого практического разума ведет к *религии*, то есть к познанию всех обязанностей как божественных заповедей, а не как санкций, то есть произвольных, самих по себе случайных распоряжений чуждой воли,— а как неотъемлемых законов каждой свободной воли самой по себе...» (AA 05, S. 129; Кант, 1997а, с. 639). Таким образом, если мы рассматриваем этическую систему Канта в ее полноте, с включением в сферу рассмотрения также и постулатов практического разума, то содержательное сходство этических систем обоих мыслителей становится еще более очевидным. В связи с этим нельзя не затронуть вопрос о возможном влиянии Крузия на формирование основ этической системы Канта.

virtuousness it is not enough to look only at the external manifestation of an act; it is necessary to take into account the inner sphere of man's intentions. The motive of the inner sphere must be solely the formal principle. For Kant the solely possible motive is respect for the moral law. For Crusius it is obedience to God's will expressed in the moral law. Again we see Crusius' theonomism and the lack of the same in Kant.

Yet even this difference between Kant and Crusius catches the eye only as long as we look at Kant's ethics separately from his teaching of the highest good and the postulates of practical reason. The introduction of postulates, especially the postulate of the existence of God, immediately begins to destroy this logical picture, especially in the light of Kant's explanation that transition from morality to religion is natural and inevitable: "In this way the moral law, through the concept of the highest good as the object and the final purpose of pure practical reason, leads to *religion, i.e., to the cognition of all duties as divine commands, not as sanctions – i.e., chosen and by themselves contingent ordinances of another's will – but as essential laws of every free will by itself*" (KpV, AA 05, p. 129; Kant, 2002, pp. 163-164). Thus if we consider Kant's ethical system in its entirety, including within our purview also the postulates of practical reason, the essential similarity of the ethical systems of both thinkers becomes even more evident. This dictates the need to examine the issue of possible influence of Crusius on the formative foundations of Kant's ethical system.

Was There an Influence?

In spite of a number of essential similarities in the views of both thinkers, these similarities, as well as the question of whether Crusius might indeed have influenced Kant, came in for specialist scrutiny fairly late. The first serious work devoted to this topic appeared in the late nineteenth century (Marquard, 1885). Several decades later in a long article Heimsoeth discusses in detail the similarity of Kant's philosophy to the main provisions of Crusius' philosophy. That article marked the start of gradual increase of scholarly interest in the problem.

In the context of the possible influence of Crusius on Kant, credit is undoubtedly due to Heimsoeth for the fact that although he himself stresses the importance of studying Kant's early

Так было ли влияние?

Несмотря на наличие целого ряда существенных сходств во взглядах обоих мыслителей, эти сходства, а также вопрос возможности действительного исторического влияния Крузия на Канта достаточно поздно становятся темой специальных исследований. Первая серьезная работа, посвященная этой теме, появилась в конце XIX в. (Marquard, 1885). Несколько десятилетиями позднее выходит развернутая статья Хаймзёта, подробно освещающая сходство философии Канта с основными положениями философии Крузия. С нее мы и можем начинать отсчет постепенного возрастания исследовательского интереса к рассматриваемой проблематике.

Несомненным достоинством этой работы можно считать тот факт, что Хаймзёт, несмотря на им же самим подчеркиваемую значимость изучения в контексте рассмотрения возможного влияния Крузия на Канта именно ранних работ последнего, которые и могли бы служить в данном случае своего рода связующим звеном между крузианской и критической философией (Heimsoeth, 1926, S. 1), тем не менее проводит параллели не только и не столько с ранним Кантом, сколько с Кантом критического периода. Однако остается лишь сожалеть о том, что основное внимание Хаймзёта направлено на рассмотрение проблем теоретической философии, а не философии практической. Тем не менее мы можем найти у Хаймзёта и ряд ценных замечаний относительно смыслового сходства идей Канта и Крузия в вопросе обоснования возможности существования свободной причинности, что непосредственно выводит нас на моральное учение обоих мыслителей (Heimsoeth, 1926, S. 36–37). Другой важной чертой данной работы можно считать принципиальную установку Хаймзёта на рассмотрение лишь «сути дела» (*Sachverhalt*), то есть систематического сходства философских идей обоих мыслителей, а не заинтересованность в установлении возможности действительного исторического влияния взглядов Крузия на Канта (Heimsoeth, 1926, S. 2–3). Вынесение решения относительно последнего Хаймзёт оставлял за кантофилологией — специальным разделом кантоведения, занимающимся исследованием терминологического аппарата Канта. Сам же Хаймзёт оставался в плоскости рассмотрения лишь преимущества философских проблем, не задаваясь вопросом о том, было ли непосредственное влияние Крузия на Канта причиной этой преимущества или же оба мыслителя пришли к постановке сходных проблем и сходным их решениям независимо друг от друга.

works which might have provided a link between Crusian and critical philosophies (Heimsoeth, 1926, p. 1), he nevertheless draws parallels not only or largely with early Kant but with Kant of the critical period. It is a pity, though, that Heimsoeth concentrates on the problems of theoretical philosophy and not practical philosophy. Even so, we can find in Heimsoeth some valuable remarks about the semantic similarity of the ideas of Kant and Crusius on the possibility of free causality, which brings us to the moral teachings of the two thinkers (Heimsoeth, 1926, pp. 36-37). Another important feature of the article is Heimsoeth's commitment to considering only "the bones of the matter" (*Sachverhalt*), i.e. systematic similarity of the two thinkers' philosophical ideas and not dwelling on the possibility of historical influence of Crusius on Kant (Heimsoeth, 1926, pp. 2-3). Heimsoeth leaves it to Kant philology — a department of Kant scholarship dealing with Kant's terminological apparatus — to deliver the verdict on that issue. Heimsoeth himself considers only the continuity of philosophical problems without delving into the details of whether the continuity is the result of direct influence of Crusius on Kant or whether the two thinkers had raised similar problems and arrived at similar solutions independently from each other.

One can mention several other works published in the 1920s and 30s which touched upon the issue of a possible influence of Crusius' ideas on the formation of the foundations of Kant's moral philosophy. One such author is Bohatec, who believed Kant was under a strong influence of Crusius in laying the foundations of his moral philosophy (Bohatec, 1938, p. 154; cf. Voca, 1937, pp. 26-27, 75-76, 129-130). However, a truly revolutionary study of this matter is arguably Schmucker's work, published in the early 1960s (Schmucker, 1961, pp. 85-87).¹¹ It triggered a groundswell of research interest in the problem of the apparent similarity of the two philosophers' ideas which eventually made the influence of Crusius on Kant into an oft-repeated hypothesis

¹¹ Schmucker concludes that Crusius had a direct influence on Kant from the fact that in his early work "Inquiry Concerning the Distinctness of the Principles of Natural Theology and Morality" (1764) Kant uses the word combination *necessitas legalis*, interpreted as the necessity of objects whose meaning, he believes, remains obscure unless one turns to the context of Crusian practical philosophy. Schmucker repeats this thesis in another work (cf. Schmucker, 1976, p. 94).

Можно отметить и несколько других публикаций, вышедших в 1920–1930-х гг. и затрагивавших вопрос возможного влияния идей Крузия на формирование основ моральной философии Канта. В частности, Й. Бохатек полагал, что Кант при формировании основ своей моральной философии находился под сильным влиянием Крузия (Bohates, 1938, S. 154; см. также: Воса, 1937, р. 26–27, 75–76, 129–130). Однако по-настоящему революционным исследованием в данной связи следует, по всей видимости, считать вышедшую в начале 1960-х гг. работу Й. Шмукера (Schmucker, 1961, S. 85–87)⁷, так как именно она послужила своеобразным толчком к росту исследовательского интереса к проблеме видимого сходства идей двух философов, что в конечном счете привело к тому, что в настоящий момент влияние Крузия на Канта является часто повторяемой исследовательской гипотезой (Henrich, 1963, S. 415; Sala, 1990, S. 75; Ciafardone, 1990, S. 26; Schönfeld, 2000, S. 141, 147–148; Allison, 2012, p. 144–145).

В то же время следует все же согласиться с высказанным еще в 1920-е гг. утверждением Хаймзёта относительно того, что установление наличия или отсутствия исторического влияния Крузия на Канта является проблемой не столько общих размышлений о «сути дела», то есть содержательном сходстве идей мыслителей, сколько задачей непосредственно кантофилологии. Если же мы обратимся к этому разделу кантоведения, то следует признать, что влияние Крузия на Канта в вопросе разведения разных типов обязательной силы у разных типов практических основоположений сложно подтвердить. И даже напротив, следует согласиться скорее с тем, что Кант все же двигался здесь в русле вольфианской традиции, нежели заимствовал идеи непосредственно у Крузия. Это вполне объясняет тот факт, что труды именно вольфианца Баумгартена, а не кого-нибудь из крузианцев Кант неизменно использовал в качестве компендиумов на своих лекциях по моральной философии и теологии (Stark, 2004, S. 386–391; Beyer, 1937, S. 231–236; Esposito, 1988, p. 43–51; Крыштоп, 2016, с. 299–309). Сторонником такой точки зрения является немецкий исследователь К. Швайгер, подчеркивающий, что возведение встречающейся в кон-курсном сочинении 1764 г. терминологической пары

⁷ Шмукер делает свой вывод о наличии непосредственного влияния на Канта со стороны Крузия на основании встречающегося в ранней работе Канта «Исследование отчетливости принципов естественной теологии и морали» (1764) словосочетания *necessitas legalis*, интерпретируемого как необходимость целей, смысл которого он полагает непонятным без отсылки к контексту практической философии Крузия. Ту же позицию Шмукер высказывает и в другой работе (Schmucker, 1976, S. 94).

(Henrich, 1963, p. 415; Sala, 1990, p. 75; Ciafardone, 1990, p. 26; Schönfeld, 2000, pp. 141, 147–148; Allison, 2012, pp. 144–145).

At the same time one has to concur with Heimsoeth's observation made in the 1920s that establishing whether or not there was historically an influence of Crusius on Kant is a problem that has to do not so much with general reflections "on the heart of the matter," i.e. the similarity of the substance of the thinkers' ideas as with Kant philology. If we look at that area of Kant scholarship we have to admit that it is hard to prove that Kant was influenced by Crusius on the distinction of different types of obligatory force of different types of practical principles. On the contrary, one would rather tend to agree that Kant was working within the mainstream of the Wolffian tradition rather than poaching ideas directly from Crusius. This amply explains the fact that Kant invariably used the works of none other than Baumgarten, a Wolffian, and not of any Crusians, as compendiums in his lectures on moral philosophy and theology (cf. Stark, 2004, pp. 386–391; Beyer, 1937, pp. 231–236; Esposito, 1988, pp. 43–51; Крыштоп, 2016, pp. 299–309). This view is shared by the German scholar Schweiger who stressed that tracing the terminological pair *necessitas problematica* (necessity of means) / *necessitas legalis* (necessity of objects) that occurs in a 1764 competition essay (*UD*, AA 02, p. 298; Kant, 2011b, p. 245) to the influence of Crusius may explain only one part of the pair (*necessitas legalis*). *Necessitas problematica* remains unexplained, which prompts a search for other sources of influence on Kant. Besides, the fact that Kant uses Latin forms of the above concepts rather suggests that his source was also written in Latin. Schweiger concludes that the source referred to may have been Baumgarten's compendiums on ethics *Initia* (1740) and *Ethica* (1760) which Kant used extensively in his academic activities (cf. Schwaiger, 1999, pp. 54–55).

Conclusion

An analysis of the main provisions of the moral philosophy of Crusius and Kant leads to the conclusion that these two teachings are close on a number of counts. Both thinkers stress the unconditional obligatory force of the moral law (the law of virtue). Both stress the fundamental difference between the

necessitas problematica (необходимость средств) / *necessitas legalis* (необходимость целей) (AA 02, S. 298; Кант, 1994а, с. 187) к влиянию Крузия позволяет объяснить лишь один член этой пары, а именно *necessitas legalis*. *Necessitas problematica* при этом остается непроясненным, что заставляет нас искать иные источники влияния на Канта. Кроме того, и употребление здесь Кантом латинских форм данных понятий указывает скорее на то, что источник этот должен быть на латинском языке. В конечном счете Швайгер склоняется к мысли о том, что этим источником могут быть компендиумы Баумгартена по этике *Initia* (Baumgarten, 1740) и *Ethica* (Baumgarten, 1760), активно использовавшиеся Кантом в его академической деятельности (Schwaiger, 1999, S. 54–55).

Заключение

Рассмотрение основных положений моральной философии Крузия и Канта приводит нас к выводу, что эти учения близки друг другу по целому ряду моментов. Оба мыслителя говорят о безусловной обязательной силе морального закона (закона добродетели). Оба подчеркивают принципиальное различие между основоположениями добродетели и благоразумия. У обоих мыслителей мы находим однозначное определение именно добродетели — основополагающего элемента высшего блага — в отличие от счастья, которое и Кантом, и Крузием рассматривается как только лишь производное от добродетели, но никак не самоцель. В то же время наличие этих весьма существенных сходств во взглядах обоих философов само по себе еще не свидетельствует о том, что взгляды Канта формировались под непосредственным влиянием философии Крузия. Приходится констатировать, что на современном уровне развития кантоведения вопрос о непосредственном влиянии на Канта работ Крузия не представляется возможным решить однозначно. В то же время, даже если принять во внимание аргументы кантофилологии, оспаривающие возможность такого влияния, совершенно исключать из поля рассмотрения сходство идей обоих мыслителей вряд ли можно считать корректным. Однако при проведении подобного рода сравнений не стоит забывать и о существенных различиях, причем не в конкретных решениях в целом аналогичных проблем, а в фундаментальном обосновании постановки самих этих проблем. Если для Крузия таким обоснованием являлось желание отстоять «истинное» представление о сущности Бога как всесовершенного существа, то задача Канта уже не может быть сведена к попытке решения подоб-

tenets of virtue and common sense. Both thinkers unequivocally define virtue — the pivotal element of the highest good — as distinct from happiness which both Kant and Crusius see as merely a derivative of virtue, but not an end in itself. However, the presence of very substantial similarities in the views of both philosophers is not reason enough for claiming that Kant's views were formed under the direct influence of Crusius' philosophy. One has to admit that at the present level of the development of Kant scholarship the question of direct influence of Crusius' works on Kant does not lend itself to an unequivocal answer. At the same time, even if one accepts the argument of Kant philology, which denies the possibility of such influence, it would not be correct to ignore the similarity of the two thinkers' ideas. However, in making such comparisons one should not forget the essential differences, not only in concrete solutions of largely analogous problems, but also in the fundamental justification and formulation of the very problems. While for Crusius the justification was his wish to uphold the "true" idea of the essence of God as an all-perfect entity, Kant's task cannot be reduced to an attempt to solve such theological questions, although theological aspects of Kant's thought cannot be excluded in studying his moral philosophy (cf. Allison, 2012, p. 144; Esposito, 2004, pp. 265-291).

This research was supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project "I. Kant and Philosophy of Religion in Germany", no. 18-011-00080 A.

References

- Allison, H. E., 2012. *Essay on Kant*. Oxford: Oxford University Press.
- Baumgarten, A. G., 1740. *Ethica philosophica*. Halle: Hemmerde.
- Baumgarten, A. G., 1760. *Initia philosophiae practicae prima*. Halle: Hemmerde.
- Berdyayev, N., 1960. *The Destiny of Man*. New York: Harper & Brothers.
- Beyer, K., 1937. *Zeitliche Einordnung der Vorlesung*. In: K. Beyer, ed. 1937. *Kants Vorlesungen über die philosophische Religionslehre*. Halle: Akademischer Verlag, pp. 231-236.
- Boca, S., 1937. *Kant e moralisti tedeschi*. Wolff, Baumgarten, Crusius. Napoli: Luigi Loffredo.
- Bohatec, J., 1938. *Die Religionsphilosophie Kants in der „Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft. Mit besonderer Berücksichtigung ihrer theologisch-dogmatischen Quellen*. Hamburg: Hoffmann & Campe.

ного рода богословских вопросов, хотя полностью исключать теологические аспекты моральной философии Канта также не представляется возможным (см.: Allison, 2012, p. 144; Esposito, 2004).

Данное исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «И. Кант и философия религии в Германии», № 18-011-00080.

Список литературы

Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж : Изд-во «Современные записки», 1931.

Гогоцкий С. С. Критический взгляд на философию Канта. Киев : Тип. И. Вальнера, 1847.

Кант И. Исследование отчетливости принципов естественной теологии и морали // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 2. С. 159–190.

Кант И. Метафизика нравов // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 6. С. 224–543.

Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Канон+, 1997а. Т. 3. С. 277–733.

Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Канон+, 1997б. Т. 3. С. 39–276.

Круглов А. Н. Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков. М. : Канон+, 2009.

КрышTOP Л. Э. Лекции Канта по теологии // Кант И. Лекции о философском учении о религии. М. : Канон +, 2016. С. 299–309.

Рождественский Н. П. Христианская апологетика. СПб. : Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1884. Т. 1.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М. : Политиздат, 1989. С. 319–344.

Флоренский П. А. Из лекций по истории философии Нового времени // Философские науки. 2007. № 1. С. 20–44.

Шиллер Ф. О грации и достоинстве // Собр. соч. : в 7 т. / под общ. ред. Н. Н. Вильмонта, Р. М. Самарина. М. : Художественная литература, 1957. Т. 6. С. 115–170.

Allison H. E. Essay on Kant. Oxford : Oxford University Press, 2012.

Baumgarten A. G. Ethica philosophica. Halle : Hemmerde, 1740.

Baumgarten A. G. Initia philosophiae practicae primae. Halle : Hemmerde, 1760.

Beyer K. Zeitliche Einordnung der Vorlesung // Kants Vorlesungen über die philosophische Religionslehre / hrsg. von K. Beyer. Halle : Akademischer Verlag, 1937. S. 231–236.

Boca S. Kant e moralisti tedeschi. Wolff, Baumgarten, Crusius. Napoli : Luigi Loffredo, 1937.

Bohatec J. Die Religionsphilosophie Kants in der „Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft“. Mit besonderer Berücksichtigung ihrer theologisch-dogmatischen Quellen. Hamburg : Hoffmann und Campe, 1938.

Ciafardone R. Einleitung // Die Philosophie der deutschen Aufklärung. Texte und Darstellung / hrsg. von R. Ciafardone. Stuttgart : Philipp Reclam jun., 1990. S. 11–38.

Crusius Ch. A. Entwurf der nothwendigen Vernunft-Wahrheiten, wiefern sie den zufälligen entgegen gesetzt werden. Leipzig : Gleditsch, 1766.

Crusius Ch. A. Anweisung vernünftig zu leben. Leipzig : Gleditsch, 1767.

Ciafardone, R., 1990. Einleitung. In: R. Ciafardone, ed. 1990. *Die Philosophie der deutschen Aufklärung. Texte und Darstellung*. Stuttgart: Philipp Reclam jun., pp. 11-38.

Crusius, Ch. A., 1766. *Entwurf der nothwendigen Vernunft-Wahrheiten, wiefern sie den zufälligen entgegen gesetzt werden*. Leipzig: Gleditsch.

Crusius, Ch. A., 1767. *Anweisung vernünftig zu leben*. Leipzig: Gleditsch.

Esposito, C., 1988. Introduzione. In: I. Kant, 1988. *Lezioni di filosofia della religione*. Napoli: Bibliopolis, pp. 11-91.

Esposito, C., 2004. Kant: von der Ethik zur Religion (und zurück). In: N. Fischer, ed. 2004. *Kants Metaphysik und Religionsphilosophie*. Hamburg: Meiner, pp. 265-291.

Florensky, P. A., 2007. Iz lekcij po istorii filosofii Novogo vremena. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 1, pp. 20-44. (In Rus.)

Gogocky, S. S., 1847. *Kriticheskij vzglyad na filosofiju Kanta [Critical View on Kant's Philosophy]*. Kiev: Tipografija I. Valnera. (In Rus.)

Heimsoeth, H., 1926. *Metaphysik und Kritik bei Chr. A. Crusius*. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte.

Henrich, D., 1963. Über Kants früheste Ethik. Versuch einer Rekonstruktion. *Kant-Studien*, 54(4), pp. 404-431.

Kant, I., 1991. *Metaphysics of Morals*. Translated by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2002. *Critique of Practical Reason*. Translated by W. S. Pluhar. Indianapolis & Cambridge: Hackett.

Kant, I., 2011a. *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. Translated by M. J. Gregor and J. Timmermann. New York: Cambridge University Press.

Kant, I., 2011b. Inquiry Concerning the Distinctness of the Principles of Natural Theology and Morals. In: I. Kant, 2011. *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime and Other Writings*. Edited by P. Frierson and P. Guyer. New York: Cambridge University Press, pp. 221-248.

Krouglov, A. N., 2009. *Filosofija Kanta v Rossii v konce XVIII – pervoi polovine XIX vekov [Kant's Philosophy in Russia at the End of the 18th and in the First Half of the 19th Centuries]*. Moscow: Kanon+. (In Rus.)

KryshTOP, L. E., 2016. Kant's Lectures on Theology. In: I. Kant, 2016. *Lekcii o filosofskom uchenii o religii [Lectures on the Philosophical Doctrine of Religion]*. Moscow, Kanon+, pp. 299-309. (In Rus.)

Marquard, A., 1885. *Kant und Crusius: Ein Beitrag zum richtigen Verständnis der Crusianischen Philosophie*. Kiel: Lipsius & Tischer.

Richter, A., 1876. Crusius, Christian August. In: *Allgemeine Deutsche Biographie, Volume 4*. Leipzig: Duncker und Humblot, pp. 630-631, [online]. Available at: <<https://www.deutsche-biographie.de/gnd118677438.html>> [Accessed 5 February 2019].

Rozhdestvensky, N. P., 1884. *Christianskaja apologetika [Christian Apologetics], Volume 1*. St. Petersburg: Tip. Doma Prizrebija Maloletnikh Bednykh. (In Rus.)

Sala, G., 1990. Das Gesetz oder das Gute? Zum Ursprung und Sinn des Formalismus in der Ethik Kants. *Gregorianum*, 71(1), pp. 67-95.

Esposito C. Introduzione // Kant I. Lezioni di filosofia della religione / a cura di C. Esposito. Napoli : Bibliopolis, 1988. P. 11–91.

Esposito C. Kant: von der Ethik zur Religion (und zurück) // Kants Metaphysik und Religionsphilosophie / hrsg. von N. Fischer. Hamburg : Meiner, 2004. S. 265–291.

Heimsoeth H. Metaphysik und Kritik bei Chr. A. Crusius. Berlin : Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1926.

Henrich D. Über Kants früheste Ethik. Versuch einer Rekonstruktion // Kant-Studien. 1963. Bd. 54, № 4. S. 404–431.

Marquard A. Kant und Crusius: Ein Beitrag zum richtigen Verständnis der Crusianischen Philosophie. Kiel : Lipsius & Tischer, 1885.

Richter A. Crusius, Christian August // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig : Duncker und Humblot, 1876. Bd. 4. S. 630–631. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/gnd118677438.html#adbcontent> (дата обращения: 05.02.2019).

Sala G. Das Gesetz oder das Gute? Zum Ursprung und Sinn des Formalismus in der Ethik Kants // Gregorianum. 1990. Vol. 71, № 1. S. 67–95.

Saring H. Crusius, Christian August // Neue Deutsche Biographie. Berlin : Duncker und Humblot, 1957. Bd. 3. S. 432–433. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/gnd118677438.html#ndbcontent> (дата обращения: 04.02.2019).

Schmucker J. Die Ursprünge der Ethik Kants in seinen vor-kritischen Schriften und Reflexionen. Meisenheim am Glan : Anton Heim, 1961.

Schmucker J. Zur Datierung der Reflexion 3716. Das Versagen der Wortstatistik in der Frage der Datierung der frühen kantischen Reflexionen zur Metaphysik, aufgewiesen an einem exemplarischen Fall // Kant-Studien. 1976. Bd. 67. S. 74–101.

Schneewind J.B. The Invention of Autonomy. Cambridge : Cambridge University Press, 1998.

Schönfeld M. The Philosophy of the Young Kant. The Pre-critical Project. Oxford : Oxford University Press, 2000.

Schwaiger C. Kategorische und andere Imperative. Zur Entwicklung von Kants praktischer Philosophie bis 1785. Stuttgart-Bad Cannstatt : Frommann-Holzboog, 1999.

Stark W. Nachwort // Kant I. Vorlesung zur Moralphilosophie / hrsg. von W. Stark. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 2004. S. 386–391.

Об авторе

Людмила Эдуардовна Крыштон, кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия.

E-mail: ricpatric@gmail.com

Для цитирования:

Крыштон Л. Э. Божественный закон или категорический императив: о крузианских истоках кантовской морали // Кантовский сборник. 2019. Т. 38, № 2. С. 31–44. doi: 10.5922/0207-6918-2019-2-2.

Saring, H., 1957. Crusius, Christian August. In: *Neue Deutsche Biographie, Volume 3*. Berlin: Duncker und Humblot, pp. 432-433, [online]. Available at: <<https://www.deutsche-biographie.de/gnd118677438.html>> [Accessed 4 February 2019].

Sartre, J.-P., 2007. *Existentialism Is a Humanism*; including, A commentary on *The Stranger*. Translated by C. Macomber; introduction by A. Cohen-Solal; notes and preface by A. Elkaïm-Sartre, edited by J. Kulka. New Haven: Yale University Press.

Schiller, F., 1988. On Grace and Dignity. In: F. Schiller, 1988. *Poet of Freedom*. Washington DC: Schiller Institute, pp. 337-395.

Schmucker, J., 1961. *Die Ursprünge der Ethik Kants in seinen vor-kritischen Schriften und Reflexionen*. Meisenheim am Glan: Anton Heim.

Schmucker, J., 1976. Zur Datierung der Reflexion 3716. Das Versagen der Wortstatistik in der Frage der Datierung der frühen kantischen Reflexionen zur Metaphysik, aufgewiesen an einem exemplarischen Fall. *Kant-Studien*, 67, pp. 74-101.

Schneewind, J. B., 1998. *The Invention of Autonomy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Schönfeld, M., 2000. *The Philosophy of the Young Kant. The Pre-critical Project*. Oxford: Oxford University Press.

Schwaiger, C., 1999. *Kategorische und andere Imperative. Zur Entwicklung von Kants praktischer Philosophie bis 1785*. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog.

Stark, W., 2004. Nachwort. In: I. Kant, ed. 2004. *Vorlesung zur Moralphilosophie*. Berlin and New York: De Gruyter, pp. 386-391.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr Ludmila E. Kryshthon, Associate Professor, Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia.

E-mail: ricpatric@gmail.com

To cite this article:

Kryshthon, L. E., 2019. God's Law or Categorical Imperative: on Crusian Issues of Kantian Morality. *Kantian Journal*, 38(2), pp. 31-44. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2019-2-2>